

Роль тела в духовной жизни¹

Я хочу еще немного поговорить о роли нашего тела в духовной жизни, потому что, мне кажется, еще не все сказано о том, что нам абсолютно необходимо учиться собирать свой ум и использовать свое тело как источник трезвения, бодрствования.

Старец Силуан, скончавшийся в 1938 году, говорит в своих записях, что благодать Божия заполняет всего человека. Она касается нашего духа, затем доходит до нашей души, нашего ума и чувств, движений воли, но она достигает до нас полностью, лишь когда пронизывает также и наше тело. Потому что человек — не душа или дух, заключенные в теле, которое безжизненно, не участвует в том, что относится к плану духовному, не имеет отношения к тому, что происходит с нашей жизнью в Боге. Человек — таинственное существо, состоящее из тела и души, в нем материальность нашего тела призвана к единству с Богом такому же совершенному и полному, как и дух и душа. Что тело способно к этому — об этом явно, ясно свидетельствует Воплощение. Божество во Христе было соединено не только с Его душой и духом, но и с Его телом. И когда мы думаем о смерти Христа на кресте, о том, что Его тело лежало в гробу, пока Его душа сходила в ад, когда мы говорим, что Его тело было нетленным, мы имеем в виду, что Божество не отлучилось от Его материального человечества, так же как не отлучилось от Его человеческой души.

Есть у Исаака Сирина замечательное, может быть, даже изумляющее нас высказывание. О судьбе человека после его смерти и в вечности он говорит, что место человека не может быть окончательно определено до Воскресения, потому что душа человека ничего не может навязать телу, даже спасения или гибели, пока тело не даст свое согласие. Этими словами он не только утверждает — я едва не сказал: торжественно провозглашает — единство человеческих души и тела, но также то, что это наше материальное тело не есть просто безжизненный остов. Это не халат, который мы снимаем и отбрасываем (хотя часто выражаются именно так), оно наделено чудесной способностью не только биологически быть связанным с жизненной силой в нас, но и с Богом, и оно может войти в вечную жизнь — не пассивно, не просто вслед за душой, а по собственному праву.

Такое видение тела очень важно, если мы хотим понять, какое место тело и физический подвиг занимают в аскетической жизни. Духовные писатели с самого начала делали различие между телом и плотью. И еще задолго до того, как кто-либо из духовных христианских писателей даже просто упомянул об этом, мы читаем в 6-й главе книги Бытия, как Бог посмотрел на человечество, отпадшее от Него, которое сознательно отвернулось от Него, «оземлилось» и ничего не хотело знать, кроме земли, и сказал: *они плоть* (Быт 6:3). Здесь под словом «плоть» подразумевается, как во всей аскетической литературе, бездушное человеческое нечто, биологическая реальность гораздо более низшая, чем животные. Потому что в итоге не осталось ничего человеческого в том состоянии человека, которое Бог описывает в этом месте книги Бытия: обесчеловеченная физическая реальность, биологически живая, но оторванная от всех корней вечной жизни.

Я уже упоминал место из писаний отца Сергия Булгакова, где он говорит: чтобы приобрести тело, надо победить плоть. Он явно говорит об одной физической реальности, но плоть означает биологическое бытие, оторванное от Бога, чуждое Ему, Единственному, Кто — сама Жизнь. А тело — то же самое человеческое, физическое бытие, но исполненное жизни, которую дает Бог, не маленький росток, в котором кратковременная жизнь вот-вот засохнет, поскольку извлекает жизненную силу из праха, из земли. Оно привито ко Христу, оно то же самое, но живо жизнью Самого Бога или, если

¹ Одна из бесед 1985–1986 гг. о подвижничестве. Пер. с английского. Опубликовано: *Митрополит Сурожский Антоний*. Труды. Т. 2. М.: Практика, 2007. С. 658–664.

предпочитаете (и мне кажется, так сказать вернее), участвует в жизни воплощенного Сына Божия, человеческой жизни Бога во плоти.

Из этого следует несколько вещей. С одной стороны, это предполагает общее богословие материи, которое, как мне кажется, слишком часто забывают. С другой стороны, это объясняет, почему в первой главе своей книги о духовной жизни епископ Феофан Затворник говорит о роли таинств². Таинства — действия Божии, но это действия Божии, в которых используется материальное вещество этого мира: вода, хлеб, вино, масло и т. д., и которые достигают нас через наше тело. Погружением тела в благословенные, освященные воды совершается Крещение. Принятием освященных Хлеба и Вина физическим образом мы становимся причастниками того, *что* они доносят до нас. Чрезвычайно важно думать о нашем теле и сознавать не только, какова его роль, но и нашу ответственность перед нашим телом и *что* тело может совершить (или не совершить) в нашей жизни. Поэтому я хочу отметить некоторые моменты относительно того материального мира, в котором мы живем.

Бог, как нам сказано, сотворил все сущее из небытия. Если можно говорить о времени, то в какой-то момент ничего не существовало, был Один Бог. И затем Он вызвал одну за другой Свои твари из радикального небытия. Он вызвал их в акте любви. Он все *возлюбил в бытие*. И каждая тварь, возникая в бытие из небытия (и здесь ясно, насколько выражение «возникая из небытия» не соответствует тому, что было, потому что нет такого небытия, из которого что-то может возникнуть), оказывалась лицом к лицу с Богом и Его Любовью. Божественная Любовь вызвала тварь к бытию, но не в застывшее бытие, не просто в существование, не на время, а для того, чтобы она, все возрастая и углубляясь, сама участвовала в Божественной жизни. Бог предлагал Самого Себя каждой твари, которую Он вызывал к бытию. Каждая возникающая тварь видела Его как превосходящую все красоту и совершенную любовь, любовь, которая отдает не только то, что имеет, но и самое себя. Этот Бог, оставаясь в Самом Себе непостижимым, таинственным, изливает Себя в Свое творение, делает его причастником — в той мере, в какой оно способно, пока не настал конец времен, — Своей жизни и самой Своей природы.

Каждая возникающая тварь встречается также со всеми другими тварями, возникшими раньше, чем она, в ее зарождающейся, первозданной красоте и гармонии, в совершенной невинности и величии ее призвания к совершенству, то есть к единству с Богом. Это соединение с Богом когда-то станет совершенным и полным. И каждая тварь связана с Богом изумлением, благоговением, благодарностью, любовью, ликованием. Бог знает каждую Свою тварь по имени. В еврейской мысли имя, подлинное имя, не прозвище, которым мы условно называем друг друга, но то имя, которое выражает самую сердцевину существа, — это имя выражает то единственное отношение, которое существует между Богом и каждой тварью, единственность неповторимой твари, несравнимого существа, единственного, потому что любовь не бывает коллективной, а только личной.

На протяжении таинственной истории, которая передается нам, разворачивается перед нами в книге Бытия и вообще в Священном Писании, мы видим, насколько глубокая связь существует между телесным бытием и духовным состоянием человеческого существа. У святого Григория Нисского есть замечательный комментарий на одно место книги Бытия, где нам говорится, что после падения Бог сделал Адаму и Еве *кожаные ризы* (Быт 3:21). Многие люди наивно улыбаются при этих словах: они считают, что Адам и Ева поняли, что наги, и соответственно Бог дал им одежду. Нет, дело не в этом. Согласно святому Григорию Нисскому, человек, пав, стал ограниченным, вместо того, каким был и что мы видим во Христе после Его Воскресения: Он совершенно плотский и человеческий, но не ограниченный. Вы помните места, где говорится, как Христос внезапно предстает

² Епископ Феофан. Путь ко спасению (краткий очерк аскетике). Начертания христианского нравоучения. М., 1908. Переиздавалось неоднократно.

Своим ученикам, проходит закрытыми дверями, появляется и снова исчезает с их глаз (Ин 20:19, 26). Человечество в том физическом состоянии, которое мы знаем, — не то первоначальное человечество, которое даровал нам Бог. Мы — существа, падшие не только душой, но и телом. Мы стали как бы густыми, мы приобрели вес, который отягощает нас. То, что было телом, духовным телом, стало плотью, в которой сосуществуют вместе закон жизни и закон смерти.

То, как мы относимся к окружающему миру, отражает это наше отпадение от благодатного состояния. Если обратиться опять-таки к книге Бытия, мы видим Адама и Еву в раю, они вкушают всех райских плодов, но нигде не сказано, что их жизнь зависит от этой пищи. Если обратиться за разъяснением к словам Христовым, можно вспомнить, что Христос сказал сатане во время искушения. На слова сатаны: «Если Ты Сын Божий, обрати эти камни в хлеб, напитай Себя» — Христос ответил: *Не хлебом единым жив человек, но всяким словом Божиим* (Лк 4:4). Жизненная сила, сила, поддерживающая жизнь в Адаме и Еве, было слово Божие. Они были вызваны в бытие, вызваны в жизнь, перешли из небытия в самые глубины Божии. Только после падения, вместо того чтобы жить словом Божиим, вместо того чтобы познавать тварный мир через приобщение уму Божию, они обратились к рациональному, аналитическому познанию, которое свойственно теперь нам. То, что по-французски называется целостное видение, непосредственное восприятие, было заменено нашим современным знанием, которое мы усвоили с падения.

В этот момент Господь говорит две вещи: *прах ты и в прах возвратишься* (Быт 3:19) — прах, потому что человек был создан, чтобы принадлежать двум мирам, материальному, земному миру, вместе с материальностью всей твари, и духовному миру (я не говорю «миру духов» во множественном числе), жизнь в котором принадлежит собственно человеку. Но потеряв Бога, человек должен был черпать временное бытие от земли, из которой он был взят. *Со скорбью будешь питаться [от земли] ...терния произрастит она, а не только хлеб* (Быт 3:17—18). Здесь мы видим погружение в материальный мир через тело, вернее, через тело, потерявшее свое совершенство и цельность. Вместо того чтобы исполнить свое призвание, о котором святой Максим Исповедник говорит, что человек был призван соединить в самом себе вещественное и духовное начала и вести все вещественное в область Божественную, человек оказался пленником вещественного мира.

Правда, в каком-то смысле человек и вещественный мир не идентичны. Отличие в том, что человек перестал быть в полноте тем, чем призван был быть: подлинным человеком. Быть подлинным человеком означает быть в полном общении, во все возрастающей и углубляющейся причастности с Живым Богом. Окружающий нас вещественный мир не отвернулся от Бога, не согрешил, он был, по выражению апостола Павла, предан человеком в рабство греху (Рим 8:20). Человек, который должен был быть вождем, вести всю тварь в глубины Божии, потерял свой путь, и потому заблудился весь мир.

Святой Феодор Студит говорит в одном из своих писаний, что окружающий мир действительно порой страшен, кажется одичавшим, обезумевшим, но, пишет он, мир, в котором мы живем, подобен коню, которым правит опьяневший всадник. Конь будто беснуется, но виновен не конь, а всадник. Мы опьянели, мы слепы, потеряли свой путь, мы мечемся. И потому весь мир, который мы были призваны вести к полноте, обезумел, со всеми последствиями безумия.

Позднее наше взаимоотношение с миром становится еще более жестоким и грубым. В той же книге Бытия, после потопа Господь говорит Ною: все движущееся, что живет, будет вам в пищу, в ваши руки отданы они; да страшатся и да трепещут вас все звери земные (Быт 9:2—3). Это венчает, вернее сказать — это самая низшая точка взаимоотношений между тварным миром и человеком, самая глубина, разделяющая их. Человек, который был призван вести все в область духа, стал не только предателем мира, но и мучителем его, убийцей созданий Божиих.

Такой подход лежит в основе аскетического отношения к телу и к тварному миру. Усилие подвижника направлено на то, чтобы покорить плоть ради того, чтобы обладать телом, победить обезбоженность, из-за которой мы стали мертвым веществом — мертвым, потому что мы отвернулись от жизни или потеряли ее, — ради того чтобы обрести вновь состояние примирения, в первую очередь, с миром, который мы предали и ввергли в область смерти, страдания, дисгармонии, изуродования. Призыв отказаться от некоторого рода пищи, от плоти животных, призыв освободиться от голода, который распространяется на все сотворенное Богом желанием все подчинить себе и в конечном итоге уничтожить — вот призыв поста. И это охватывает гораздо больше, чем физический пост, простое воздержание в пище и питье. Это состояние трезвости, состояние, через которое мы можем опомниться от опьянения, о котором говорит святой Феодор Студит, состояние, восстанавливающее нас в правильном взаимоотношении с созданиями Божиими.

Но, как уже было сказано, человек пал, человек предал тварный мир в рабство сатаны со всем, что из этого следует. И, по слову апостола Павла, вся тварь стенает, ожидая откровения сынов Божиих (Рим 8:19—22). Все творение — жертва: оно не согрешило, оно несет вместе с человеком последствия человеческого греха. Поэтому у творения своя собственная связь с Богом, на собственных правах. Тварь не нуждается ни в примирении, ни в покаянии. И вот почему возможны чудеса, вот почему совершаются таинства. Весь мир был создан способным радоваться о Боге, чувствовать Его, жить Его словом, жить в Нем неведомым нам образом, отличным от нашего. Все созданное способно слышать творческое, державное, освобождающее слово Живого Бога. В противном случае чудеса были бы магическими действиями. Разница между таинством и магическим действием, между чудом и магией в том простом факте, что магическое действие — акт власти, акт, которым тот, кто обладает тайным знанием, может насильно навязать свою волю Божьему творению вопреки его собственной воле, в ущерб ему, с целью уничтожить его или использовать на зло. Чудо — действие Божие, которым на короткий миг, в определенной ситуации Божие творение бывает восстановлено в гармонии, той гармонии, которая существует между творением и Богом, но также внутри творения между отдельными тварями.

Вы наверно помните многие случаи, когда Господь Иисус Христос совершает чудо. Он повелевает морю утихнуть, приказывает ветру улечься, и они слушаются. Но они послушны Его слову в прямом значении послушания: они не запуганы, не сломлены, не порабощены, они не просто покорны. Они слышат голос Того, Кто есть их свобода, Кто есть Любовь к ним, и отзываются радостно на это освобождение и входят в гармонию Божию.

Это еще в большей степени относится к таинствам. Человеческая вера, да, наша человеческая вера, слабая, хрупкая, колеблющаяся, столь несовершенная, но все-таки живущая в нас и в нашей среде, выделяет часть вещества из контекста мира, плененного сатаной, — частицу воды, хлеба, вина, масла, или даже слова {}, слова благословения, слова хвалы, слова, которые выражают волю Божию, слова пророческие — и приносит их Богу, возвращает их Богу, чтобы Он владел ими полностью, неограниченно, совершенно. И Бог принимает их, это мы выражаем в словах: «Твоя от Твоих, Тебе приносяще о всех и за вся». Бог принимает их и возвращает нам как Свою собственность: этот хлеб, эти воды, этот елей и даже, как я сказал, самые слова возвращаются к нам, очищенные от нечистоты, свободные от печати сатаны, и доносят до нас то, что принадлежит области Божественной.

И все это возможно только благодаря тайне Воплощения, к этому я еще вернусь. Но сначала я хочу сказать, что Божественная область, доходящая до нас при посредстве материальности этого видимого мира, свидетельствует наряду с Воплощением, что все Богом сотворенное способно быть не только духоносным в самом общем смысле, но Богоносным. Все соединено с Богом таким образом, что может донести Его до нас.

Владимир Лосский в своей книге «Мистическое богословие Восточной Церкви»³, говоря о благодати, о тайне Бога и о том, как Бог открывается нам в общении, пишет, что Бог существует — если позволительно употребить такое слово, говоря о Боге, — Сам в Себе как непредставимая, неисследимая тайна, но в то же время Он существует как бы вне Себя, как изливание Самого Себя в Свою тварь. Это изливание мы называем благодатью. Это изливание, которое те, кто плохо знает V век, но читал Григория Паламу, называют энергиями⁴. Это Бог, сообщающий Себя материальному веществу этого мира, свободному от греха, освобождаемому актом веры с нашей стороны и радостным приятием со стороны Бога. Эти энергии доносят до нас Божество.

И теперь коротко о Воплощении. Когда мы говорим о Воплощении, часто, слишком часто мы думаем, что Бог соединился с тем, что мы считаем отличительными признаками нашего человечества: ум, сердце, воля — все, что в целом мы называем нашей психикой, духом, душой. Но в Евангелии от Иоанна ясно говорится, что *Слово стало плотью* (Ин 1:14). Оно не просто стало человеческим духом. Слово Божие, Само Божество в Воплощении соединилось с человеческой плотью. Но эта плоть ничем не отличается от всей материальности этого мира. И когда Христос родился, жил, умер и восстал, и восшел на небеса, вся тварь могла ликующе глядеть на это тело Воскресения, тело Бога воплощенного, восседающего одесную Славы, и узнавать себя самое и видеть, к чему она призвана. Все, от величайшей галактики до мельчайшего атома, самое грандиозное, как и самое ничтожное, — все видит себя во славе, в той славе, к которой призвано все творение.

Так что Воплощение — это призыв к нам поставить себе вопрос: как мы относимся к собственному физическому телу? — и не поработать его, не ломать его, не делать его рабом, а освободить его, высвободить от состояния обезбоженности, бездуховности и сделать его телом, способным исполниться божественной жизнью, эсхатологически, пусть и не в полной мере, стать уже теперь тем, чем мы призваны, — стать телом и душой в вечности.

³ В. Лосский. Очерк мистического богословия Восточной Церкви. Богословские труды. М.: Московская Патриархия, 1972. Сб. 8. Текст неоднократно переиздавался.

⁴ Благодать и энергия — связанные, но не тождественные концепты. Энергия — термин богословский в собственном смысле слова, то есть он относится к Богу безотносительно к Его отношению к творению. Энергия, по Лосскому, — это преизбыточествование природы над сущностью. Лосский приводит образ солнечного излучения, которое имело бы место, даже если бы никто не пользовался солнечным светом и теплом. Энергия — это функция только природы (а не воли). Благодать — это энергия, которая по Божественной воле сообщается людям.